

И. Щерблыгина

**Осуществление мечты.
Картины русских зарубежных художников
в собрании Бахрушинского музея.**

...Пора бы спокойно оглянуться на прошлое и, ничего не преувеличивая, признать, что понятие творчества в эмиграции искажено не было, духовная энергия на чужой земле не иссякла и когда-нибудь сама собой включится в наше вечное, общее русское дело.

Г. Адамович

Творческая интеллигенция первой волны эмиграции принадлежала к поколению, которому мы обязаны феноменом русского духовного ренессанса рубежа XIX–XX вв. В нравственном поиске этого поколения родился серебряный век, расцвет которого был прерван событиями Октября 1917 г. Но национальная традиция была сохранена и продолжена в эмиграции, где русская культура серебряного века нашла себе пристанище. Высочайшая степень веры в культуру, как средства возрождения России, стала основой жизнедеятельности интеллигенции русского зарубежья. То что было ею сохранено и создано вне России, но для России сегодня – неотъемлемая часть отечественной культуры XX века.

Сколько русских людей, писателей, ученых, художников, проживших свою жизнь в эмиграции на чемоданах в надежде на возвращение, так и не увидели родную землю. Но все же многим из них удалось вернуться в Россию, вернуться своими книгами, картинами, музыкой. Так произошло и с русскими зарубежными художниками работы которых находились в Русском культурно-историческом музее в Праге.

Первый и единственный русский национальный музей за рубежом был создан исключительно благодаря энтузиазму эмигрантской общественности и поистине самоотверженной работе директора музея В.Ф. Булгакова. Болея душой за то ценное

культурное наследие, которое «продается по нужде, попадает в частные, равнодушные, не русские руки, в антикварные магазины...»¹, В.Ф. Булгаков выступил с идеей создания музея русской эмиграции. «Музей, – писал он, – это сохранение и спасение как остатков русской старины, разбросанной за границей, так и всех культурных ценностей, созданных эмиграцией»². За девять лет своего существования (1935–1944) Русский культурно-исторический музей собрал богатейшую коллекцию по истории и культуре русского зарубежья, которая, по замыслу создателей, как «русское национальное достояние» должна была вернуться в Россию³. Насколько искренне верилось создателям музея в задуманное есть множество свидетельств, сохранившихся в архивных папках. Приведем лишь одно из них, интересное, на наш взгляд, с точки зрения того, что эта уверенность была неисчерпаемым источником, придающим людям силы жить и работать в эмиграции с полной самоотдачей. В обширной переписке В.Ф. Булгакова сохранилось его письмо к баронессе М.Д. Врангель⁴ с просьбой о письменном разрешении передать в будущем музею ее американское архивное собрание. «Когда в будущем музей очутится однажды на родине, – писал он, – и там (что очень вероятно) устроен будет в особом здании... как «Музей Русской эмиграции», то, может быть, он мог бы напомнить американцам о необходимости перевода Вашего архива так же на родину и похлопотать об этом через представительство дипломатическим путем?»⁵. К сожалению, нам неизвестно было ли дано такое разрешение М.Д. Врангель, но хочется надеяться, что в архивах нас ждут ответы на многие вопросы.

Русский культурно-исторический музей был торжественно открыт 29 сентября 1935 г. в Збраславе под Прагой. Владелец замка К. Бартонь-Добенин предоставил помещение для русского музея по просьбе своего друга и видного чешского политика К. Крамаржа, жена которого Надежда Николаевна, урожденная Хлудова, с пониманием отнеслась к делу музея собрать, сохранить и передать будущим поколениям результаты культурного творчества русской эмиграции. Булгаков, пытаясь найти помещение для создаваемого музея обратился к ней в письме с просьбой о помощи, где, в частности, писал: «...когда-то подобный музей основала польская эмиграция в Rapperswill близ Цюриха, в Швейцарии (я недавно видел замок, где помещался этот музей), – и что же? Когда Польша сделалась снова независимым государством, все коллекции Польского музея перенесены были в Варшаву и встречены там с почестями»⁶. Русскому музею было отдано два зала в Збраславском замке, в которых разместились художественный и культурно-исторический отделы. Но

уже к 1939 году РКИМ занимал целое крыло замка из восьми залов. Половина были отданы художественной коллекции, которая являлась наиболее ценной частью музейного собрания и включала в себя около четырехсот картин ста зарубежных русских мастеров: «...картинная галерея, ставшая к концу 1930-х годов своего рода «срезом» не только основных направлений творчества русских эмигрантов в области изобразительного искусства, но и их историко-художественных интересов в целом.»⁷ По местонахождению художников представлены были главным образом Прага, Париж и Рига. Воспоминания директора музея дают нам возможность представить, какой была экспозиция художественного отдела в Збраславском замке. Первый зал представлял старую, реалистическую русскую живопись (И. Репин, Н. Богданов-Бельский, К. Высотский, Л. Браиловский и др.); второй – новую, умеренно-модернистскую живопись (К. Коровин, Н. Гончарова, Б. Григорьев, Д. Бушен, М. Манэ-Кац и др.); третий, рериховский зал, был целиком представлен работами Н.К. Рериха⁸, и, наконец, в четвертом была собрана графика и новая живопись (Ю. Анненков, М. Добужинский, Ф. Бренсон, Г. Мусатов, К. Пясковский и др.)⁹.

Необходимо отметить, что все картины были подарены музею художниками. Ввиду очень скромных материальных возможностей, основным принципом формирования коллекции было не приобретение произведений искусства, а получение их в дар¹⁰. Несмотря на сложные условия существования эмигрантского музея, часть художественной коллекции удалось опубликовать. В 1938 году вышел краткий каталог музейного собрания, а в 1939 году – большой иллюстрированный альбом-каталог «Русское искусство за рубежом»¹¹, ставший впоследствии уникальным источником по изучению художественного наследия русского зарубежья. «Представьте, что мы нашли бесплатного издателя для каталога художественных собраний Музея», – писал Булгаков Н.А. Еленеву¹². Этим издателем стал молодой рижский художник-график А.И. Юпатов, в лице которого музей нашел бескорыстного и энергичного помощника и друга. Алексей Илларионович был избран членом-основателем РКИМ и представителем музея в Риге. Благодаря его стараниям многие русские художники, жившие в Прибалтике, принесли в дар музею свои картины. Среди них – Ю.Г. Рыковский и М.И. Пастернак, с которым Юпатов сотрудничал как издатель. В Риге вышли два альбома репродукций и гравюр Ю.Г. Рыковского – «Юрий Рыковский» (1935) и «Ксилография Юрия Рыковского» (1937). Подаренные РКИМ в Праге эскиз декорации к опере «Дон Кихот» Ю. Рыковского и эскиз костюма к опере «Гугеноты» М. Пастернака спустя годы оказались в собрании Центрального

театрального музея им. А.А. Бахрушина. Эти работы и сегодня поражают нас сохранившейся яркостью красок.

Работы художника Л.Н. Голубева-Багрянородного были присланы в Прагу Союзом русских писателей в Берлине. «Ценнейшим вкладом, – вспоминал Булгаков, – как с неба свалилось к нам присланное большое собрание работ скончавшегося в германской столице в 1934 г. в возрасте сорока четырех лет художника Л.Н. Голубева-Багрянородного»¹³. Музей получил более шестидесяти работ, среди которых была серия крупных карандашных рисунков и пастельных портретов зарубежных русских писателей, ученых и артистов. И что особенно увеличивало их ценность – это наличие автографов изображенных лиц. Один из этих портретов с таким автографом прекрасно выполненный и хорошо сохранившийся мы и обнаружили в Бахрушинском музее – это портрет А.Н. Толстого.

Стремление сохранить в изгнании верность ценностям национальной культуры ярко проявилось в многочисленных иллюстрированных изданиях русской классики и, прежде всего А.С. Пушкина, выходивших в русском зарубежье. Произведения поэта иллюстрировали А. Бенуа и И. Билибин, М. Добужинский и С. Чехонин, А. Анненков и В. Масютин, Н. Гончарова, И. Исцеленов и многие другие наши художники, среди которых был и замечательный петербургский график, председатель союза русских художников в Берлине – Н.В. Зарецкий. По своей природе, – писал о нем Р. Гуль, сотрудничавший с Зарецким в «Литературном приложении», – Николай Васильевич был истинный художник... ему надо бы жить в пушкинские, а не в наши дни»¹⁴.

Хотелось бы отметить, что Зарецкий стоял у истоков создания РКИМ в Праге, был членом музейной коллегии, а после ареста Булгакова – директором музея в годы войны (1941–1944). Живя в Праге, Николай Васильевич организовал ряд художественных выставок, в частности, выставку, посвященную А.С. Пушкину «Русское общество эпохи Пушкина», которая была приобретена по инициативе президента Чехословакии Т.Г. Масарика для чешского Национального музея. Известно, что Зарецкий иллюстрировал русское издание «Гробовщика» и немецкое «Арапа Петра Великого» А.С. Пушкина. В музее хранились его рукописи к этим произведениям, а так же к «Домику в Коломне» и «Пиковой даме». Его тонко выписанные графические рисунки – иллюстрации к «Арапу Петра Великого» (девять листов сцен, двенадцать сюжетов и титульный лист) дошли до нас в собрании Бахрушинского музея. Здесь же нас ждала еще одна серия работ этого художника, чрезвычайно интересная своей характерностью стиля мирискусников. В списке

музейных предметов из РКИМ в Праге, переданных в Центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина значилось восемь эскизов кукол «Петрушка»¹⁵. До наших дней из них сохранилось шесть изумительных акварелей. Интересно, что упоминание о цикле «Петрушка» Н.В. Зарецкого мы находим у Р. Гуля. «У меня остались кое-какие его прелестные вещи: цикл в восемь больших акварелей «Петрушка» – народно-лубочно-русский, – писал он, – которые я подарил, чтобы они не пропали после моей смерти в русский музей своего друга Т. Уитни»¹⁶. Существовала ли серия акварелей «Петрушка» в единственном экземпляре или их было несколько?..

Вернулись в Россию в составе художественной коллекции РКИМ и были переданы Бахрушинскому музею две гравюры видов Парижа Ф.С. Брэнсона и два эскиза декораций к операм «Фауст» Ш. Гуно и «Соловей» И. Стравинского В.М. Ульянищева. Все это было подарено художниками русскому музею в Праге¹⁷.

Все годы своей активной собирательской, научной, культурно-просветительской работы эмигрантский музей в Праге был по определению Н.К. Рериха « маяком русского искусства и науки за рубежом». Необходимо отметить, что во многом это стало возможным, благодаря директору музея В.Ф. Булгакову. Работал он с полной самоотдачей, не жалея ни сил, ни времени, часто оставаясь ночевать на твердой кушетке в своем рабочем кабинете, не раз падая со стула с молотком в руке, забывая гвоздь для очередной картины... Но работа в музее давала чувство удовлетворенности, отдохновения. «Расхаживая в одиночестве по всем комнатам музея, – вспоминал он, – занятый его совершенствованием, я чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было в другом месте. И никто за границей не мог подарить мне более счастливых часов»¹⁸. Музей жил и работал: в июне 1940 года открылось два новых отделения – театральное и пушкинское, в этом же году была закончена рукопись «Словаря русских зарубежных писателей», который планировалось издать в качестве первого выпуска «Трудов РКИМ», но началась Вторая мировая война и многим планам не суждено было сбыться.

Русский музей значительно пострадал в годы войны. Вот как оценивал его состояние в октябре 1945 года В.Ф. Булгаков, отказываясь принимать в музей новые экспонаты: «...пока это учреждение, приведенное обстоятельствами и неумением людей на край гибели, не оправится от всего пережитого, не выздоровеет и не встанет на ноги, – писал он проректору Русского Свободного университета П.А. Остроухову, – от меня нельзя слишком много требовать. Уже воскресить разоренное наше учреждение – это по нынешнему времени труд почти сверхсильный»¹⁹. Вернувшись в

Прагу в 1945 году²⁰, Булгаков был восстановлен в должности директора РКИМ и попытался возобновить деятельность музея, работая буквально на пределе своих физических возможностей. Необходимо отметить, что в сложной реальности послевоенной Чехословакии Валентину Федоровичу пришлось принимать непростые решения. То главное, чем Булгаков, в конечном счете, руководствовался в своих действиях было – спасти для России музейное собрание, и он взял на себя ответственность. «Будучи инициатором, организатором и руководителем (директором) Музея... я чувствовал себя обязанным принять на себя решение относительно собраний и имущества Музея», – писал он²¹. Часть сохранившейся художественной коллекции он перевез в здание советской школы в Праге. А затем, «...опросив пражских художников и других лиц, – писал он, – я убедился, что общий голос желает, чтобы все картины русского музея были перенесены в Россию»²². Булгаков буквально обивал пороги советского посольства. В результате длительных переговоров в СССР было возвращено более ста пятидесяти работ из художественной коллекции РКИМ в Праге. «В 1948 г. выслал в Россию двадцать пять ящиков с книгами, рукописями, предметами русской старины и более ста пятидесяти работ русских художников. Все это находится сейчас в Третьяковской галерее, Историческом музее, Центральном театральном музее им. А.А. Бахрушина», – вспоминал Валентин Федорович в своей беседе с писателем В.Я. Лазаревым, приехавшим в Ясную Поляну, где Булгакову довелось работать хранителем дома-музея Л.Н. Толстого до конца своих дней (умер в 1966 году)²³.

Таким образом, в результате научного поиска нам стало известно, что в Бахрушинский музей в 1949 году поступило сорок восемь картин из собрания Русского культурно-исторического музея в Праге²⁴, и из них на сегодняшний день сохранилось двадцать пять работ подаренных художниками Пражскому музею²⁵.

Мечта русских зарубежных художников о возвращении в Россию сбылась. Они вернулись к нам своим творчеством, которое совершенно органично вписалось в общую картину истории русского искусства XX века.

* * *

Автор выражает признательность за помощь при работе над статьей сотрудникам Государственного театрального музея им. А.А. Бахрушина М. Липатовой и Н.А. Машечкиной.

-
- ¹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Ясная Поляна. 1961//Ариаватра. 1993. №3. С.149.
- ² ГАРФ. Ф.Р-9586. Оп.1. Д.249. Л.1 об. Письмо В.Ф. Булгакова Н.Н. Хлудовой от 13.04.1934.
- ³ Там же. Ф.Р-6784. Оп.1. Д.1. Л.176 об. Положение о РКИМ в Праге.
- ⁴ Мария Дмитриевна Врангель, баронесса (1856-1944) – мать главнокомандующего Белой армией П.Н. Врангеля и историка искусства Н.Н. Врангеля, создательница архива «Материалы о русских беженцах на чужбине и культурных достижениях после революции. 1917-1933», хранящегося в Гуверовском институте при Стенфордском университете в Калифорнии.
- ⁵ ГАРФ. Ф.Р-6784. Оп.1. Д.8. Л.560. Письмо В.Ф. Булгакова М.Д. Врангель от 15.12.1938.
- ⁶ Там же. Ф.Р-9586. Оп.1. Д.229. Л.2. Письмо В.Ф. Булгакова Н.Н. Хлудовой от 13.04. 1934
- ⁷ Толстой А.В. Художники русской эмиграции. М., 2005. С.75
- ⁸ См. Щерблыгина И.В. Рериховский зал РКИМ в Праге (по материалам переписки В.Ф. Булгакова и Н.К. Рериха)//Изобразительное искусство, архитектура и искусствознание русского зарубежья. Отв.ред. О.Л. Лейкинд. Спб, 2008. С. 247-260.
- ⁹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Ясная Поляна. 1961//Ариаварта. 1993. №3. С.196-197.
- ¹⁰ Архивные папки хранят многочисленные письма правления РКИМ с благодарностями художникам за подаренные картины.// ГАРФ. Ф.Р-6784. Оп.1. Д.8.
- ¹¹ Каталог художественных собраний Русского культурно-исторического музея при Русском Свободном университете в Праге. Прага, 1938; Булгаков В., Юпатов А. Русское искусство за рубежом. Прага, Рига, 1939.
- ¹² ГАРФ. Ф.Р-6784. Оп.1. Д.8. Л.258. Письмо В.Ф. Булгакова Н.А. Еленеву от 16.02.1938.
- ¹³ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Ясная Поляна. 1961./Ариаварта. 1993. №3. С.161.
- ¹⁴ Гуль Р. Я унес Россию. М, 2001. Т.1. С.264.
- ¹⁵ Список музейных предметов из РКИМ в Праге. П/а №3952 от 21.02.1949.
- ¹⁶ Гуль Р. Я унес Россию. М, 2001. Т.1. С.264.
- ¹⁷ Художники русского зарубежья. Биографический словарь. Сост. Лейкинд О.Л., Махров Л.В., Северюхин Д.Я. Спб, 1999. С.572.
- ¹⁸ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Ясная Поляна. 1961./Ариаварта. 1993. №3. С.198.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф.Р-9586. Оп.1. Д.165. Л.3 об. Письмо В.Ф. Булгакова П.А. Остроухову от 04.10.1945.
- ²⁰ Булгаков был арестован в 1943 г.и до конца войны просидел в фашистском концлагере.
- ²¹ ГАРФ. Ф.Р-9586. Оп.1. Д.107. Л.70 об. Письмо В.Ф. Булгакова директору советской школы в Праге А.А. Арзамасцеву от 22.06.1948.
- ²² Там же.
- ²³ Лазарев В.Я. Хождение не за три моря. Тула, 1969. С.38.
- ²⁴ Список музейных предметов из РКИМ в Праге. П/а № 3952 от 21.02.1949.
- ²⁵ Приведем их перечень с указанием инвентарного номера в собрании Государственного театрального музея им. А.А. Бахрушина:
- Бренсон Ф.С. Две гравюры видов Парижа. Бумага, оттиск : оттиск 16,8 x 18,5, лист 27,8 x 34,8, паспорту;
Оттиск 14, 3 x24,3, лист 17x 19. Паспорту 37 x 55. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169106/1; 169106/2;

Голубев-Багрянородный Л.Н. Портрет А.Н. Толстого. 1923. Бумага, графитный карандаш. 49,6 x 37,3. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169105;

Зарецкий Н.В. «Петрушка». 6 эскизов кукол. Картон, акварель, серебро, белила. 40, 5 x 32,5. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169107-169112;

Он же. Иллюстрации к повести А.С. Пушкина «Арап Петра Великого». 9 листов сцен и 1 лист титула. Бумага, карандаш, черная гуашь, белила. 35,8 x 26,5; 16 x 28. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169115, 169120-169122, 169125-169133;

Пастернак М. Эскиз костюма к опере «Гугеноты». 1933. Бумага, темпера. 22,5 x 11,5, окантовка. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169153;

Рыковский Ю.Г. Эскиз декорации к опере «Дон Кихот». 1935. Бумага, гуашь. 60 x 36 в просвете паспорту 74 x 58,5. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169151;

Ульянищев В.М. Эскиз декорации к опере «Фауст» Ш. Гуно. 1928 г. Бумага, акварель, белила в просвете 24 x 34,5. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169155;

Он же. Эскиз декорации к опере «Соловей» И. Стравинского. 1928. Полотно, масло. 22,2 x 30,5 в просвете. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169154;

Неизвестно. Портрет генерала. Холст, масло. 66,5 x 55,5. ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169104;

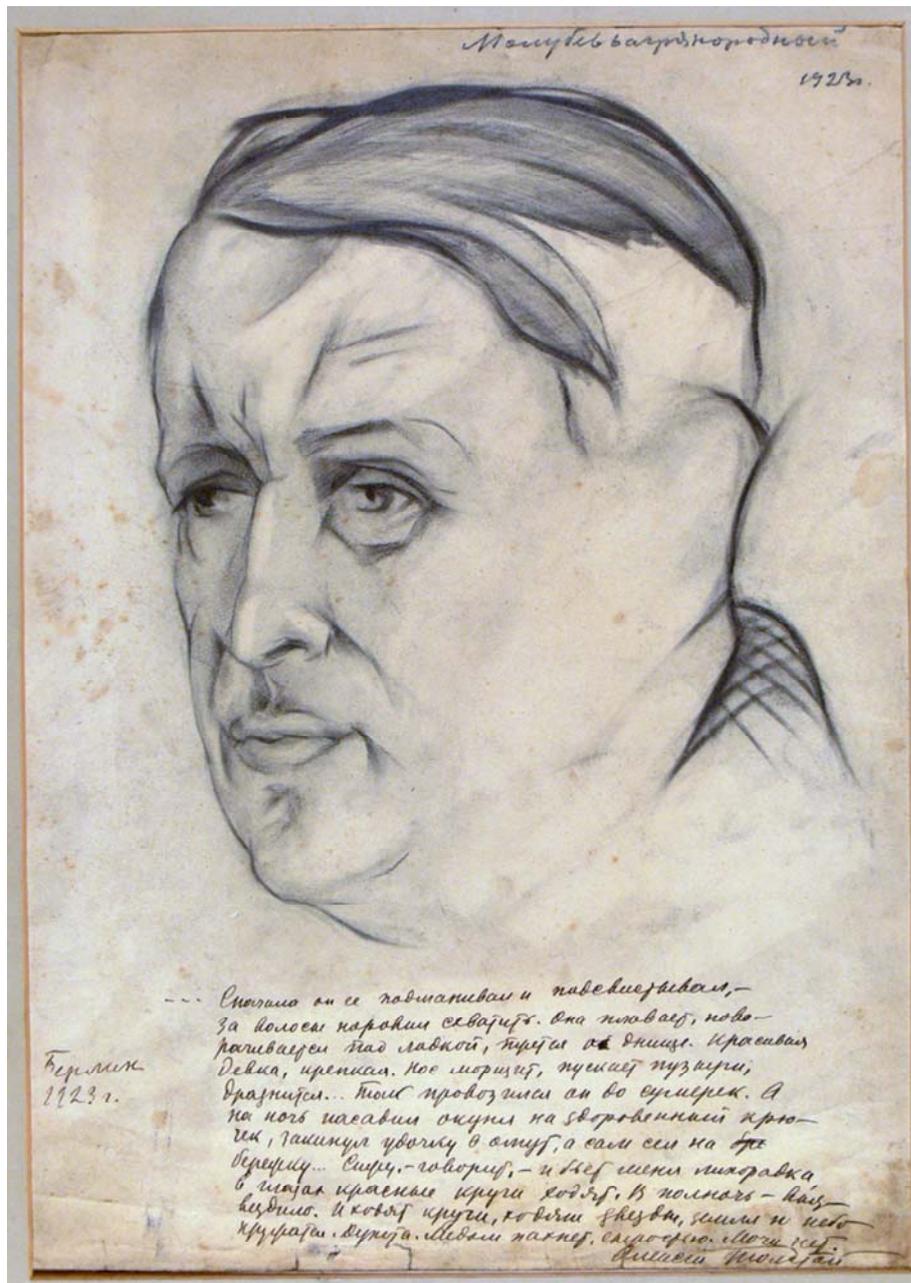
Неизвестно. Киргизский воин. Раскрашенная гравюра. 21,7 x 17. Окантовка 34,3 x 27,5. . ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, инв. 169152.

Ю. Рыковский. Эскиз декорации к опере "Дон Кихот«.

М. Пастернак.
Эскиз костюма к опере
"Гугеноты"

Л. Голубев-Багрянородный.
Портрет А.Н. Толстого